

200 лет Министерству Народного Просвещения Время разорения и воссоздания

Александр КИСЕЛЁВ, доктор исторических наук, профессор

За восемь месяцев власти в России Временного правительства, которое чуть больше четырёх месяцев возглавлял князь Георгий Евгеньевич Львов, а чуть меньше четырёх — Александр Фёдорович Керенский, сменилось три министра просвещения. Первый, профессор-юрист, бывший ректор Московского университета Александр Аполлонович Мануйлов (1861–1929), второй, востоковед, академик, с 1904-го по 1929-й год бессменный секретарь Академии наук Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934) и, наконец, доктор медицинских наук, бывший узник Петропавловской крепости Сергей Сергеевич Салазкин (1862–1932).

Временное правительство в крайне сжатые сроки провело огромную работу по демонстражу Русской Православной монархии. 8 марта Николай II был вместе с семьёй арестован, и его деятельность, а главное вопрос, не был ли он изменником родины, стали расследоваться Чрезвычайной правительственной комиссией.

Россия была объявлена федерацией республик, а её нацменьшинствам предоставлено право самоопределения вплоть до отделения. Русская Православная Церковь отделена от государства, отменены сословия и чины, в том числе и в армии; всё чаще рядом с национальным флагом — триколором, лишённым царской символики, стало появляться и красное полотнище, а гимном утвердилась «Марсельеза» на слова П.Л. Лаврова «Отречёмся от старого мира!». Амнистия распространялась на преступников всех категорий, в армии была отменена смертная казнь, учреждены правительственные комиссары и Солдатские комитеты, уполномоченные контролировать командный состав и отменять боевые приказы. Были распущены полиция и другие органы, обеспечивавшие охрану государственного строя, и заменены милицией, кадры которой были набраны наспех, в её ряды вошло большое число непрофессионалов и недавних узников тюрем и ссылок. Была отменена так называемая «черта еврейской оседлости» и сняты все ограничения по приёму евреев в учебные заведения и на службу. Участились случаи убийств генералов, адмиралов, священников, крупных чиновников, купцов и помещиков, которые практически не расследовались.

Революционному реформированию подверглась и система народного просвещения. Так, уже в марте, то есть в разгар учебного года, были изменены программы в школах всех степеней и, в частности, прекращено преподавание древнегреческого, латыни и немецкого языков. Школа была отделена от церкви. В университетах зачем-то закрыли юридические факультеты и отменили ряд курсов лекций с вытекающими последствиями для профессоров и преподавателей. Было уволено значительное количество промонархически настроенных чиновников. На ответственных постах в министерстве появились новые люди, в том числе недавно вышедшие из тюрем и вернувшиеся из ссылки, поставленные на эти посты решениями партий кадетов, октябристов и эсэров.

Аппарат министерства хотя и подвергся первой чистке от сторонников монархии, развил всё же бурную деятельность по выпуску циркуляров: в отдельные месяцы их выходило до 1200. Так, 17 мая 1917 года опубликован Циркуляр № 5456 о безотлагательной реформе русского правописания (исключены буквы ять, і, фита, ижица и многое другое) с начала будущего учебного года.

Однако во многих местах бывшей империи эти циркуляры не исполнялись, поскольку де-факто начался её распад. Вышли из повиновения Украина, Закавказье, Польша, Финляндия, где, в частности, были созданы свои министерства просвещения. Почти за пять лет гражданской войны на территории царской России сепаратистами различного толка было создано и существовало от нескольких месяцев до нескольких лет более ста суверенных государств, и почти все они имели в структуре правительства министерство просвещения.

Захват Министерства народного просвещения существовавшим в подполье Народным комиссариатом по просвещению под руководством Анатолия Васильевича Луначарского (1875–1933) по приказу В.И. Ленина произошёл на следующий же день после захвата Зимнего дворца. Безоговорочно новую власть приветствовал в основном лишь младший обслуживающий персонал помпезного здания около Чернышёва моста. Остальные, считавшие октябрьский переворот незаконным, поскольку ожидалось открытие Учредительного собрания, встретили прибытие «десанта» Луначарского враждебно и работать под его руководством отказались. Более того, саботаж некоторых чиновников был весьма конкретным. Зам. министра графиня С.В. Панина, например, отказалась передать новой власти денежные средства министерства. Она поместила их в один из иностранных банков с условием, что выданы они будут только «законному режиму». От расстрела по приговору Ревтрибунала, под который она попала, «красную графиню» (такovým было её прозвище) спасло лишь её богатое революционное прошлое.

Ближайшими помощниками Луначарского стали жёны руководителей октябрьского восстания: Ленина (Надежда Константиновна Крупская — член коллегии Наркомпроса), Троцкого (Наталья Ивановна Серова), Зиновьева (Злата Лилина), Бонч-Бруевича и других. Первым заместителем наркома в мае 1918 года назначен выпускник Московского университета, историк-художник (именно так его называли), марксист Михаил Николаевич Покровский, вопросами реформирования школы ведал старый большевик, искровец, дважды сосланный в Сибирь Пантелеймон Николаевич Лепешинский. К работе привлечён поэт Валерий Брюсов.

Задачи, поставленные правительством В.И. Ленина перед Наркомпросом, были гораздо шире, чем те, что решало бывшее министерство, и совмещали дела двух нынешних ведомств: образования и культуры. Активным участником этой деятельности стал и пролетарский писатель Максим Горький.

Луначарский и Крупская выдвинули на первый план замену «школы учёбы» на «школу труда», следуя американскому образцу того времени. Общеобразовательный уклон школы полностью отвергся.

В январе 1918 года упразднены учебные округа, дирекция и инспекция народных училищ, все церковные учебные заведения были преобразованы в общеобразовательные, а декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) церковь отделена от государства и школа от церкви. Целый год Государственная комиссия по просвещению работала над принципами построения новой школы. В итоге откристаллизовались два радикальных проекта. Так называемый московский, по которому предлагалось организовать школы-коммуны, работающие круглый год, без выходных, с неопределённым числом учебных часов в день. Предлагалось не делить учащихся на классы, заменить предметное преподавание цикловым, отменить учебники и отчётность. По петроградскому проекту предлагалось сохранить классно-урочную систему, домашние задания и т.п.

К концу 1918 года компромисс был найден, и вкратце основные принципы построения новой школы выглядели так: 1) обеспечить бесплатность и обязательность общего и политехнического образования всех детей до 17 лет; 2) создать широкую сеть дошкольных учреждений для усиления общественного воспитания и раскрепощения женщин; 3) реализовать принципы трудовой школы с совместным обучением детей обоего пола на родном языке и без какого бы то ни было религиозного влияния, тесно связывая обучение с производительным трудом; 4) снабдить всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счёт государства; 5) оказать всестороннюю государственную помощь самообразованию и саморазвитию крестьян; создать сеть библиотек, школ для взрослых, народных домов, курсов и т.п.; 6) осуществить широкое профессиональное образование для лиц старше 17 лет; 7) обеспечить широкий доступ в аудиторию высшей школы всем желающим учиться и в первую очередь рабочим; 8) сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства.

Конечно, осуществить эту грандиозную программу в стране с подорванной войнами и

революциями экономикой не удалось в полной мере. Однако этим документом было положено начало широкомасштабному социально-педагогическому эксперименту в области образования с новой методологией и полным отказом от традиций русской дореволюционной школы.

Учителя оказались в очень сложном положении. Процесс обучения и воспитания должен был строиться на совершенно новых принципах. Предлагаемые программы обучения существенно отличались от программ начальных училищ дореволюционной России, а также программ высших начальных училищ. Наркомат это учитывал. За короткое время проведено более 200 учительских съездов и съездов работников отделов народного образования. Однако время показало, что именно учительство и преподаватели вузов с их самоотверженностью и энтузиазмом сумели в основном сохранить необходимый для практической жизни и развития науки уровень знаний своих питомцев.

Деятельность Наркомпроса по построению новой школы практически не выходила за рамки Москвы, Петербурга и их окрестностей. В провинции учителя продолжали обучать детей, как умели, в условиях классно-урочной и предметной системы обучения, а начальству посылали отчёты о якобы имеющейся у них тесной связи с фабриками, заводами и сельхозартелями. Проверить, как работает школа далеко от Москвы, возможностей у Наркомпроса не было. В период разрухи, германской, турецкой, японской оккупаций, гражданской войны, в условиях острого недостатка не только в учительских кадрах, но и просто в грамотных людях построить новую школу было практически невозможно. Школа работала без программ и учебников. В этих условиях трудно было ожидать каких-либо успехов. И действительно, идеи главных педагогов того времени — Н.К. Крупской, П.П. Блонского и С.Т. Шацкого — не прижились на отечественной почве. Через несколько лет работы по-новому проявились её крайне отрицательные результаты. Например, при приёме в вузы, куда стал поступать по разнарядкам без экзаменов абсолютно неграмотный контингент, обнаруживший полное незнание основ арифметики, алгебры, геометрии, физики и других предметов. Не спасали положения и так называемые «пожарные лестницы» в вуз — рабфаки. К концу 20-х годов кризис школьного и вузовского образования был налицо. В сентябре 1929 года Луначарский был переведён на дипломатическую работу, уступив пост наркома просвещения Андрею Сергеевичу Бубнову (1884–1938). При нём постепенно была возвращена традиционная система обучения в средней школе, введён начальный всеобуч, разработаны единые учебные планы, программы и стабильные учебники. В советской педагогике наметился крен на политехнизацию. Необходимость всего этого была продиктована плачевными результатами невыполнения плана подготовки специалистов для народного хозяйства к 1930 году (11 000 инженеров и 18 000 агроспециалистов).

Перед учительством были поставлены такие основные задачи: обеспечить потребности сегодняшнего дня (всеобуч и ликвидацию неграмотности); ускорить темпы и повысить качество подготовки специалистов; обслуживать потребности опорных баз социализма — фабрично-заводских районов и колхозов.

В это время ярко проявился талант Антона Семёновича Макаренко, ставшего одним из идеологов трудового воспитания в коллективе.

Была вынуждена пересмотреть свои взгляды и сумела перестроиться Н.К. Крупская, занявшая с 1929 года кресло заместителя наркома.

Разрушение всей старой системы не могло не коснуться культурных традиций. Новые течения, зародившиеся ещё в начале века — декадентство, символизм, футуризм, модернизм, были в основном заграничного происхождения. Они дали всходы на русской почве, потому что уничтожалось, вытаскивалось всё русское, традиционное, классическое. Провозглашалось интернациональное, «общечеловеческое» искусство. Доходило до того, что серьёзно обсуждался вопрос о переводе нашей письменности с кириллицы на латиницу.

Однако подчеркнём: как и в любое смутное время истории, те, кто в науке и искусстве был истинным творцом, продолжали творить, хотя подчас в тяжёлых условиях.

Жизнь, здравый смысл бытия брали верх в борьбе с великим экспериментом в народном образовании. Постепенно всё приходило в определённую норму. Появились прекрасно образованные деятели науки и культуры, которые плодотворно работали даже в условиях так называемого тоталитарного общества и труды которых принесли Отечеству мировую славу.